

ЛАРИСА ДОЛИНА:
«Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ
РАСПРАВИВШЕЙ
ПЛЕЧИ.
У МЕНЯ СЕЙЧАС
ПОДРОСКОВЫЙ
ПЕРИОД»

РИСУНОК ГОЛДУЛКИН

ло несколько исповедей. А совсем молодой священник, отец Ксилан, освятил квартиру, которую мы снимаем с Илюшей. Он сразу сказал мне, что такую любовь Господь посылает только избранным и всего один лишь раз в жизни.

А вот в моем окружении почти никто не понимал нас. Все уверяли, что это несерьезно, что я быстро опомнюсь от безумного увлечения: «Зачем тебе дергаться? В жизни все так налажено, все хорошо!» А я пыталась объяснить, что в моей жизни нет самого главного. Вернее — не было. Целую зиму шла борьба. Надо было всем доказывать, что без этого человека я не могу жить.

— Как отнеслась к происшедшим пере-

менам ваша пятнадцатилетняя дочь?

— Лина за меня счастлива и, кстати, очень хорошо ладит с Илюшкой. Все нормально, нет никакой почвы для драматизации нашей истории. У нас с Линой, в силу ее непростого возраста, частенько бывают разногласия, но мне нравится, что она прислушивается не только ко мне, но и к Илюше.

— А что сказала ваша строгая мама в Одессе?

— Мама — человек пожилой и опасается всяких перемен. Она не сразу меня одобрила, но когда услышала счастливые нотки в моем голосе, сказала: «Дай Бог, чтобы ты была счастлива!» Мама у меня женщина властная и

всегда являлась безусловным главой семьи. А папа был добрейшим человеком, он работал строителем. И когда мне в детстве бывало плохо, я приходила к нему, а не к маме. А мамы я побаивалась. Однажды порвала «парадные» мамины капроновые чулки. Семья у нас была среднего достатка, и мама день и ночь стучала на машинке, чтобы хоть немного заработать. Она сорок лет проработала машинисткой. Такую роскошь, как капроновые чулки, она могла позволить себе раз в несколько месяцев. В ужасе представляя себе, что будет, когда она узнает об испорченных чулках, я убежала скрываться к соседке. В таких случаях мама меня хорошенько отшле-

пывала и грозилась отдать в интернат. Свято в это веря, я стояла на коленях и умоляла ее этого не делать!

— Какие у вас сейчас отношения с Виктором?

— Нормальные, профессиональные. Он мой продюсер, по-настоящему болеющий за общее дело. Кроме работы, нам обсуждать уже нечего.

— Счастливые люди часто вызывают у окружающих зависть.

Илья: Иногда даже ненависть. Мы это уже почувствовали.

Лариса: Не хочется называть имен, но прецеденты были. Мы сильные люди, нас не слезишь и с толку не собьешь. У меня очень сильное поле. К счастью, настоящие друзья не перевелись.

— Когда-то вам довольно много помогала Алла Пугачева.

— Алла Борисовна была первым человеком, поздравившим меня с рождением дочери. Я ей позвонила из роддома, а она тут же решила ко мне приехать. Слышу снизу, с улицы: «Лариска!» Что было в роддоме, когда под окнами увидели Пугачеву! Меня тогда еще никто не знал, замучили расспросами, кто я такая, что ко мне явилась сама Алла.

А однажды она пыталась мне помочь с московской пропиской, когда меня, иногороднюю, выселили из Москвы. Пугачева жила на Тверской. Она пешком пошла из своего дома в Моссовет. На беду там попался чиновник, который меня ненавидел, и ей отказали. И мне пришлось переехать в Ленинград.

— Сейчас вы с Илеей снимаете квартиру в Москве. Пока не собираетесь строить свой собственный дом?

Илья: Мы уже встали на очередь в кооператив. Но мне, видимо, придется пойти куда-нибудь на завод в свободное от гастролей время.

— Подрабатывать? Но заводы же почти все позакрывались.

Илья: Ну так откроем.

Лариса: Видите, не жизнь у меня теперь, а сплошное веселье. Бывали разные годы — и лучше, и хуже. Но теперь я действительно чувствую себя расправившей плечи. У меня сейчас, по-моему, подростковый период!

Елена ЛАНКИНА